служивающим внимания памятником литературных полемик XVIII в., при скудости данных о которых существенно всякое свидетельство. Введение в научный оборот подобного рода документов дает, на наш взгляд, более полное представление не только о столкновениях на русском Парнасе в 1780-е гг., но и об истории литературы в целом, для понимания которой важны не только эстетические воззрения писателей, но также в значительной мере их личные амбиции.

* * *

ПРИЛОЖЕНИЕ

К сочинителю оперы под названием «Ямщики на подставе» от искреннего его доброхота

Артельщик рифмачей последнего набора,[1]
Причетник Муз, звонарь Парнасского собора!
Скажи мне, кто тебя на дерзость поощрил,
Чтоб оперу свою ты публике открыл?
Знаток всяк, кто ея ни слышит, ни читает,
Не иначе тебя, как за враля считает;
Ямщичьи песни ты сбирая, не потел,
Но их скопировав, наврал, что ‹за›хотел.
Привыкнув к плотничью топорну грубу стуку,[2]
Срубил и оперу всей публике на скуку.
Руби и впредь, лишь быть писцом ты не желай,
Но кто умней тебя, тому то оставляй.
Ты чаял, может быть, что Музы — девки-дуры,
Нет, ты ошибся в том. Держись архитектуры.
Когда не может кто Пегаса[3] оседлать,
Почто ж тому на нем охота разъезжать?
На неоседланном коне скакать опасно,
Падение с него случается несчастно;
Пегасу надобно покрепче седока,
Он на себе терпеть не может дурака.
Недавно видеть нам тебя на нем случилось,
Падение твое пред всеми учинилось;
Как на подставу ты с сопелкою скакал,

---

[1] Набор сей кончился в исходе 785 года, а кто любопытен видеть об них формулярной список, тот может прочесть на Святки сочиненныя песни, коим продолжение будет и впредь.

[2] Надобно знать, что г. сочинитель оперы сея несколько морокует в гражданской архитектуре, нередко однако ж выдавая чужие рисунки за свои собственныя.

[3] Пегас — крылатой конь, которого употребляют Музы для своего путешествия.